

КАНАЛ
* ИМЕНИ *
МОСКВЫ

**РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ**

АНОНИМ
Канал имени Москвы

АНОНИМ
Канал имени Москвы. Лабиринт

АНОНИМ
Канал имени Москвы. Университет

А Н О Н И М

КАНАЛ
★ И М Е Н И ★
МОСКВЫ
— ★ —
УНИВЕРСИТЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
А11

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление обложки — *Андрей Фerez*

Карта на форзацах — *Яна Паламарчук*

Аноним.

А11 Канал имени Москвы. Университет : [роман] / Аноним. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Новые легенды.)

ISBN 978-5-17-102560-1

Мир пожрал туман. Движение возможно только по воде. И путешествие по каналу заканчивается в мифической Москве, великий город по-прежнему жив, хоть и стал другим.

— Это невероятно... Какой же он был прекрасный, этот город...

— Он и сейчас такой. Хоть кто-то и считает его лишь призраком самого себя...

Мимо заброшенных небоскребов «Москва-Сити», страшной гостиницы «Украина» с «огненным окном» номера 317, по подземным рекам московского метро и измайловским пастбищам, где невероятные пастухи пасут свои зловещие стада, от Оракула Южного порта — к Великому Университету, единственной надежде нового мира.

И вроде бы все загадки канала имени Москвы наконец решены. Но... Что нас ждёт в этом городе? Там, во тьме, где кто-то делает эликсир, и звучит зов московских улиц, полных неведомых и жутких чудес? И что ты знаешь о самом себе? Кто твой враг? И почему он настолько близко, что порой ты можешь видеть его отражение в мутном зеркале?

Читайте третью книгу легендарной саги — последний миф нового времени.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Аноним, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017
ISBN 978-5-17-102560-1

Глава 1

Две плотины

1

Шорох за окном повторился. Густая, плотная тьма обволокла Весёлую сторожку, как они предпочитали именовать это богом забытое место на самом юго-востоке Москвы. Здесь, после Нагатинского затона и раздольной акватории Южного порта, река делала крутой изгиб, готовясь покинуть накрытый туманом город. Сюда, на один из трёх крохотных островков между Коломенским шлюзом и Перервинской плотиной, еженедельно приходилось доставлять партии учёных: сам шлюз, беспокойная плотина и то странное, что творилось в Николо-Перервинском монастыре и на Шоссейной улице, о которой было не принято поминать без надобности. Богом забытое или богом проклятое место... Николай посмотрел на побледневшее, настороженное лицо молодого человека и подумал: «Сейчас опять начнёт заикаться».

Этот молодой, пацан ещё совсем, ждал звуков снаружи, постоянно прислушивался и поэтому боялся. Николай давно перестал прислушиваться. Коротая время перед выходом на пост, он чистил оружие; сейчас собрал и удовлетворённо передёрнул затвор. От резкого щелчка молодой человек вздрогнул, затем стыдливо отвёл взгляд.

— Эх, Алёшка, — усмехнулся Николай. — Скоро смена придёт. И поедешь домой, в альма-матер.

Сам он виноват, этот Алёшка, чего увязался за ним? Малый-то он славный, никто не спорит, любознательный, всегда подсобить старался. Говорят, в науках смышлён. Но не боец совсем с этими его врождёнными увечьями левой стороны, когда одна нога чуть короче

и рука неестественно вывернута, и этим его периодическим заиканием.

«Хотя как мы зовём эту дыру Весёлой сторожкой, так и он, наверное, пытается справиться, — подумал Николай. — Как-то ему надо становиться мужчиной. А как ещё, если не попытаться взглянуть в глаза собственным страхам? Ладно, парню стоило помочь — пересилил себя, вон куда забрался! Только неясно, чего тут больше — отваги или отсутствия ума».

— Дд-а, дд-а-а я н-нормаль-ль-но, — молодой человек, Алёшка, сконфузился сильнее. Николай посмотрел на него и ничего не сказал.

«Альма-матер» — так, слегка подтрунивая над высокомерием учёных, вооружённые люди называли Великий Университет. Учёные знали это и платили в ответ той же монетой. Только вот дело в том, что в этот раз охраной учёным Петропавел определил не просто вооружённых людей, а трёх высших гидов. Значит, дело действительно дрянь.

«Смотрите в оба, следов его появления всё больше, — таков был инструктаж. — И не забывайте: людям непосвящённым распознать его практически невозможно. Эти старцы из монастыря — он может быть одним из них, ненадолго, но может, а они даже ничего и не заподозрят».

Николай ничего не забыл. Всего раз в жизни он сам столкнулся с Горхом, что называется, лицом к лицу. Давно это было, в сумерках, на гидроузле, когда пришлось спуститься к заклинившей задвижке для стока воды. Бурная пена с рёвом пробивалась из-за не полностью открытой задвижки. Ощущение угрозы накатило внезапно. Николай поднял голову. И не увидел перед собой ничего, кроме массивных направляющих вдоль бетонной стенки, густо покрытой наслоениями тины, толстых стержней с резьбой да тяжёлых накладных головок болтов, уходящих вверх, под свод плотины. И там, в самой тьме, уставившись на Николая, горели два зеленоватых глаза.

Николай вдруг с леденящим ощущением понял, что видит перед собой вовсе не фрагменты технических

сооружений, а что-то живое, и действовал молниеносно, скинув из-за спины карабин и приводя оружие к бою. Но *он* оказался быстрее. Лишь волной холодка обдало лицо, когда что-то большое мгновенно обрушилось вдоль стенки и скрылось в тёмной реке. Он не просто распластал своё длинное тело вдоль всей бетонной стены, прильнув к ней от верхнего свода до самой воды, и не просто заставил себя выглядеть как детали технических конструкций. Он сумел даже, оставаясь неподвижным, имитировать движение: Николай не забыл, как тёмная жуть колыхнулась в нём, когда он понял, что часть этого бурого пенного потока там, внизу, видимо, являлась задними конечностями затаившегося здесь существа.

Николай тогда так и не распознал, чем это было. Но прекрасно помнил, как встревожило Петропавла его сообщение. Хотя с тех пор и до начала весны нынешнего года о Горхе больше слышно не было. До той памятной встречи в сумерках Николай и сам относил его существование скорее к зловещим байкам, к мифологии канала, чем к действительности.

Только веселья на плотине и без Горха хватало. Коломенский шлюз был давно обесточен за ненадобностью, и большую часть времени он не причинял особого беспокойства. Лишь иногда, крайне редко, с ним творилось что-то неладное. Николай видел это собственными глазами и забыть не мог до сих пор. Шлюз словно проснулся посреди ночи. С глухим ворчанием заработали обесточенные моторы, мёртвые лампы начали тускло, зеленовато светиться, а затем ворота в шлюзовую камеру медленно распахнулись. Николай сумел убедить себя, что он там ничего не видел. И без призрачной тьмы, что выплывала из камеры, веселухи вокруг сторожки в тот момент было предостаточно. Настолько, что у всех мужиков волосы на затылке вставали дыбом. Или старцы из монастыря — кто они? Почему уединились в месте, совсем не предназначенном для жизни? И почему их не трогает туман? И то, что есть на Шоссейной улице?! Хотя они даже не удосужились прорыть небольшой канавки вокруг

монастырских стен. Лазарь как-то провёл ночь в монастыре у старцев. Вернулся бледный, молчаливый, да и седины на висках прибавилось, хотя глаза у психа — а кем же его ещё считать? — лихорадочно горели. Не нравился Николаю Лазарь — он был из той породы учёных, что ради утоления своего любопытства, сродни средневековым колдунам, был готов поставить на карту всё; такие подозрительные типы не только рискнут собой, но и подведут не за здорово живёшь. А что у них на самом деле на уме, неясно. Николай не сомневался, что Петропавел определил его сюда, в том числе, приглядеть за Лазарем. Но вот парадокс: этот молодой пацан, Алёшка, нравился он гидам, хотя нёс службу в университетской библиотеке, в отделе редкостей, где систематизировал разные диковинки и древние артефакты, собранные по всему каналу. Парень старался, и у него всегда можно было получить дельный совет, однако Алёшка явно симпатизировал Лазарю. Это нездоровое любопытство, свойственное учёным, конечно, жило в парне тоже. Петропавел знал это и даже, странным образом, поощрял, видимо, списывая на возраст; у всех в его годы пылал в груди этот огонь, только если его вовремя не обуздать, он станет ненасытным грызущим червём и когда-нибудь сослужит пацану дурную службу. Правда, учёные доверяли Алёшке, и он, с его искренней чистотой, стал как бы своеобразным мостиком между Главой учёных и Петропавлом. А ещё парень был проникательным. И хоть Николай готов держать своё мнение при себе, ещё кое-чем, чего он никогда не забудет, было замечание Алёшки по поводу монастырских старцев: мол, тут уместен вопрос не «кто они?», а «что они такое?»

Странный звук пришёл снаружи, трескучий и одновременно какой-то полый. И тени за узкой прорезью окошка, одетого в мощную решётку, пришли в движение. Алёшка вжал голову в плечи, потом сообразил, что все это видели.

— Мом-мм-ммо-мможет, пойти посмотреть, чч-что там? — предложил Алёшка, пытаясь не показать виду. Только заикание его опять выдало.

— Угу, — Николай иронично кивнул. — Отвага и слабоумие?!

Гиды тут же скупно усмехнулись.

— На надоело третировать парня? — пробубнил Лазарь. — Как дети малые...

Последняя фраза в его устах была эвфемизмом выражения: «как солдафоны-недоумки». Николай не возражал: они и есть солдафоны-недоумки, хотите так считать — пожалуйста; в общем-то «отвага и слабоумие» — вполне их девиз.

— Нечего там делать, — пояснил Николай и, глядя на окна-бойницы, добавил: — Сюда никакая гадость оттуда не пройдёт. Утром разберёмся, что там.

Он даже не успел договорить до конца, когда раздался глухой стук в кованую дверь. Вооружённые люди переглянулись. В сторожке внезапно стало очень тихо. Удары в дверь повторились. Это был действительно стук, кто-то требовал впустить его. Теперь учёные тоже смотрели на гидов. Всё оружие в Весёлой сторожке немедленно было приведено в положение «к бою». Металлическая дверь весила немало. И тот, кто сейчас стучал в неё, обладал нечеловеческой силой. Трескуче-полый звук, от которого теперь веяло чем-то очень тоскливым, был совсем рядом. Прямо за дверью. И снова монотонный стук.

— Он пройдёт, — вдруг с какой-то обречённостью обронил Лазарь.

«Кто?» — подумал Николай. Всегда вальяжный, полный самодовольства голос Лазаря сейчас показался каким-то больным, и Николай не сразу узнал его.

— А ну возьми себя в руки! — сказал он. Хотя с той же тёмной покорностью ему захотелось согласиться и сказать: «Он пройдёт».

Николай крепче сжал карабин и заставил свои губы перестать шевелиться. Потому что с них чуть не сорвалось: «Он пройдёт сюда. До утра ещё долго, и он не торопится. И монотонный стук, невыносимый, словно там,

за дверью, пришла сама погибель, будет становиться всё более настойчивым. А потом он просто пройдёт».

2

Человек в байдарке очень спешил. Он уже прошёл Химкинское и Клязьминское моря, оставив за спиной накрытую туманом Москву. И большая волна на водохранилищах заставила его прижаться вплотную к берегу. Человека в байдарке не пугало близкое соседство тумана. То, что у него было с собой, надёжно защищало от любых непрошенных гостей, и единственной заботой теперь оставалось время. Ещё до наступления темноты он намеревался вернуться в Москву. Темнота его тоже не пугала, но до поры до времени об этом лучше особо не распространяться. Нос байдарки украшал залихватски нанесённый, несколько потёртый знак Рыбы, знак древнего доброго бога, который не смог спасти этот мир. Огнестрельное оружие в лодке также было припрятано, но гребец очень рассчитывал, что его не придётся больше пускать в дело. Вряд ли достойное занятие — проливать без надобности невинную кровь, да и выстрелов жалко. За время своего опасного пути он совершил всего лишь одну вынужденную остановку, потому что из укромной бухты, ещё до Хлебниковского затона, внезапно появились лодки кочевников. Когда-то, в беспечную пору древнего доброго бога, там находился яхт-клуб. Когда-то здесь многое было по-другому.

Большая, неопрятная, набитая всяким хламом лодка встала прямо по курсу, преграждая путь. Другие постарались отрезать возможности к отступлению. Правда, человек в байдарке не собирался отступать. «Надо же, не только луки со стрелами, — отметил он. — Где-то еще и старый дробовик раздобыли».

Это бездомное племя именовали на канале «речными скитальцами». Они притворялись миролюбивыми и при появлении Пироговских капитанов или конвоев гидов становились тише воды и ниже травы, только никто не

знал, сколько тёмных делишек водилось за речными скитальцами. Человек в байдарке предпочитал несколько презрительно использовать забытое слово «цыгане».

— У меня нет на это времени, — громко окликнул он. — Я спешу. А в лодке нет ничего полезного для вас. Так что я иду с миром.

— Никуда ты не идёшь! — последовал грубый ответ. — Нет ничего — заберём лодку. Выбирай, если хочешь жить.

Человек в байдарке вздохнул. Густая мгла по обоим берегам подступала вплотную к воде. Туман, который не был туманом...

— Как же мне выбирать? — спросил он. — В лодке и есть моя жизнь. На берегу я не протяну и нескольких часов.

— А так ты не протянешь и несколько минут, — ухмыльнулся говорящий. Массивное золотое кольцо в правом ухе и красная косынка на голове, как это было принято у скитальцев, выдавали в нём капитана.

Человек в байдарке также ухмыльнулся в ответ, словно решил поддержать весёлый общий настрой.

— Ну и ладно, — сказал он.

Припрятанное в лодке оружие называлось «автомат Калашникова модернизированный», АКМ сокращённо, с очень редким на канале калибром 5,65 мм. А пули со смещённым центром тяжести, во времена доброго бога запрещённые всеми международными конвенциями, что не препятствовало их массовому производству, могли творить чудеса. Человек в байдарке быстро перевёл оружие на стрельбу одиночными, прицелился и нажал на спусковой крючок. Ухмылка даже не успела покинуть лицо капитана, когда метким выстрелом ему снесло половину черепа. Человек в байдарке перевёл рычажок на автоматический бой и дал короткую очередь по бортам. Вероятно, появились ещё жертвы, но теперь пролитую кровь нельзя считать невинной. Остальные лодки бросились врассыпную. Стрелок спрятал оружие и, как ни в чём не бывало, вновь взялся за весло.

— Мечь — дело святое! — с пониманием крикнул он. И без угрозы предупредил: — Скоро пойду обратно. Вздумаете привязаться, перебыю всех.

З

Теперь цель путешествия — Пироговская плотина — была близка. Конечно, звук над водой разносится на большие расстояния, но ветер был встречным, и, вероятней всего, на плотине не слышали далёких выстрелов. И всё же лучше не привлекать лишнего внимания. Сначала человек в байдарке хотел смешаться с торговым караваном, что следовал на майскую ярмарку в бухту Радости. Торговля велась прямо с лодок, выстроившихся длинными рядами, — на свою «сухопутную» территорию Пироговское братство не пускало никаких чужаков, и на несколько дней спокойная вода бухты превращалась в оживлённый городок, куда помимо купцов-негоциантов стягивалось немало подозрительных личностей. Успей человек в байдарке осуществить свой план, его «нев्यразительное» лицо никто бы и не вспомнил. Потом он с сожалением понял, что догнать караван уже не успевает. Одиноким гребцом, утлая лодочка в опасных водах вызовут, конечно, немало вопросов. Но человек в байдарке умел оборачивать невыгодную позицию в преимущества. Никто не знал, есть ли среди Пироговских монахов, Возлюбленных братьев, шпионы Петропавла, да только в своих действиях надо исходить из предположения, что есть наверняка. Брат Дамиан, Светоч Озёрной обители, Глава братства, не доверял никому. И правильно делал. Но человек в байдарке в совершенстве овладел искусством маскировки. Молодые листья ядовитого плюща, сбрызнутые нужной водой, вызовут сильнейшую аллергию, на время изменив лицо до неузнаваемости. Противоядие в лодке также имелось. Неприятная, болезненная процедура, однако что ж поделать, если с «нев्यразительностью» в этот раз не вышло. Дозорные на плотине уже заметили появившуюся из

прибрежного тумана одинокую лодку. Слухами надо управлять умело, особенно теми, что могут дойти до нужных ушей.

Совсем скоро байдарка с изображением знака Рыбы легла на обратный курс. По преданиям, был когда-то один человек, который мог совершить подобное же путешествие в течение суток. Великий Учитель гидов, основавший Орден. Скорее всего, он тоже пользовался тайными запретными путями, которые не всегда лежали на воде, а порой уводили в самое сердце пугающей, разрушенной Москвы. Те части огромного мегаполиса, что остались целы, сделались прибежищем для дичающих групп людей, связь с которыми пытался установить Великий Университет, остальной город был полон неведомой жуткой жизни. Круговой путь по петляющей Москве-реке и каналу был относительно безопасен, но долог. Правда, оставался другой путь. Древняя забытая дорога через накрытую мглой и кошмарами Москву, известная как «путь Горха». Вероятно, Учитель, великий «джедай» без страха и упрёка, — человек в байдарке усмехнулся, — не пренебрегал запретной дорогой сквозь тьму.

Гиды умело пускали пыль в глаза. И вся проблема, вынудившая совершить нынешнее опасное путешествие, заключалась в том, что, скорее всего, человек этот действительно *возвращается*. Он сумел избежать царства Харона. Уже во второй раз, хоть в подобное не верили даже самые преданные его ученики. Однако гид Хардов сумел найти и прочесть *знаки*, и Петропавел поверил, и Тихон тоже, и они смогли убедить остальных. Скрытность и безупречность, с которыми была проведена операция подготовки к встрече, вызывали лишь уважение. Хотя человек в байдарке и не сомневался, что Хардову не составит труда обвести вокруг пальца всю Дмитровскую полицию. Хотя шпионы брата Дамиана в Дмитрове и разведали, что лодка Хардова пропала с глаз и исчез-

ла почти на месяц, не вызывало сомнений, что он появится, цел и невредим, проскользнув под носом у всех ищеек, и заветный драгоценный груз будет на месте.

«Хардов, Хардов, — весело подумал человек в байдарке. — Тебе всё моё уважение и вся моя ненависть».

— К гидам возвращается их светлый принц, — вспомнил он только что закончившийся разговор с братом Дамианом.

Лицо монаха тут же посуровело, а тёмные глаза полоснули волчьим блеском.

«Сколько в этом тщедушном теле скрытой силы и несгибаемой воли», — подумал человек в байдарке.

— Значит, всё-таки, подтвердилось? — хмуро произнёс монах.

— Да. Мальчишка из Дубны. Петропавел лично явится за ним к Тёмным шлюзам.

Наступившая тишина показалась какой-то густой, тревожной. Взгляд монаха сделался тяжёлым.

— Я должен потопить лодку Петропавла на обратном пути? — наконец спросил он.

— Эх, брат Дамиан, если бы всё было так просто, — отозвался человек в байдарке. Вздыхнул. — Напротив, транспорту гидов придётся обеспечить самое безопасное возвращение. Понимаю, что это противно взглядам Светоча Озёрной обители, но придётся посодействовать.

Брат Дамиан смерил взором своего гостя, улыбнулся:

— Друг мой, твои слова тёмны для меня. Какая причина должна заставить меня испытывать расположение к нашему общему врагу?

— Объясню: причина зовётся «Ева».

Монах с той же выжидательной улыбкой посмотрел на своего гостя. Кивнул:

— Ага. Та, что поднесла Адаму запретное яблочко?

Открытая учтивая улыбка стала ответом:

— Рад видеть Светоча Озёрной обители в хорошем расположении духа. Поэтому поясню по-другому: причина называется «эликсир».

Лицо монаха тут же застыло.

— Я не забываю о нашем усердии ни на миг, — медленно сказал он. — Однако...

— Они связаны. — Его собеседник поморщился. — Брат Дамиан, в лодке гидов будет находиться ещё один пассажир. Гораздо более ценный для нас. Девушка. Из-за неё транспорт с Петропавлом и юным Учителем придётся пропустить, хотя я бы предпочёл, чтобы оба пошли на корм рыбам.

Брат Дамиан посмотрел на собеседника с каким-то новым интересом, но произнёс сухо:

— Здесь что-то личное?

— Повторю: если бы всё было так просто, — теперь гость вздохнул с усмешкой. — Я даже не видел её. Но уже люблю до беспамятства. Можно сказать, боготворю. И ты полюбишь. Думаю, это то, что мы так долго искали. Её надо доставить в Университет. Сдуть пыльники и молиться, чтобы была жива-здорова. А я уж позабочусь о встрече.

— Ты сказал, «они связаны».

Гость согласно кивнул. На мгновение его лицо потемнело:

— Девушка очень важна для нас. Для *эликсира*. — Возможно, несколько людоедский огонёк в глазах гостя брату Дамиану лишь померещился. — Придётся выбирать меньшее зло. А иначе как беспрепятственно пропустить лодку Петропавла, не вызвав подозрений, этого не сделать.

Повисло молчание. Брат Дамиан обдумывал услышанное. Усмехнулся, из горла вышел влажный хрип:

— Девушка?! Важнее этой их мерзости с *возвращениями*?..

Тут же оборвал себя, словно произнёс бестактность. А его визави весело ухмыльнулся, словно не заметил неловкости.

— О-о, брат Дамиан, очень необычная девушка, — лукаво протянул он.

— Друг мой, ты меня интригуешь или испытываешь моё терпение?